

DOI 10.17223/19986645/25/3

УДК 811.161.1'1

Л.Г. Гынгазова

СЕНСОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕВЕЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ (ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, РЕЧЬ) В ДИСКУРСЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается метафорическая интерпретация не вещественных объектов в дискурсивных практиках языковой личности сибирского старожила. В центр внимания помещены трансформации перцептивных характеристик при образном отражении абстрактных сущностей, относящихся к понятийным областям «время», «количество», «речь». Показано, что в образной объективации абстрактных категорий оказываются задействованными все виды сенсорного восприятия: зрительное, слуховое, тактильное, вкусовое. Выявляется также специфический характер создаваемых образов, типичных для носителя традиционной народно-речевой культуры.

Ключевые слова: метафора, не вещественные объекты, сенсорное восприятие, языковая личность, народно-речевая культура.

В публикации продолжается разработка лингвоперсонологической проблематики, осуществляемая представителями Томской диалектологической школы Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой, О.А. Казаковой, Т.Ф. Волковой и др. (полный список работ см. в [1, 2]). Настоящая статья сосредоточена на изучении метафорической картины мира конкретной языковой личности по данным её дискурсивных практик.

Объектом исследования выступает языковая личность В.П. Вершининой (1909–2004), жительницы с. Вершинино Томской области, носителя традиционной речевой культуры.

Наблюдения над её речью проводились томскими диалектологами в течение почти четверти века, объём текстов, отражающих естественное языковое существование информанта, составляет около 10 тыс. печатных страниц. Полученная источниковая база послужила основой для многоаспектных исследований языковой личности, в том числе и проблемы восприятия.

Особенности сенсорного восприятия в идиолексиконе В.П. Вершининой явились предметом рассмотрения С.С. Кузнецовой [3, 4 и др.]. В её работах выявляется языковая специфика прямого восприятия цвета, размера, вкуса, запаха, обонятельных и тактильных ощущений информанта. В предлагаемом описании рассматриваются образные способы представления перцепции, при этом в центр внимания помещены типы трансформации перцептивных характеристик при отражении не вещественных объектов. В качестве таковых были избраны абстрактные имена, относящиеся к понятийным областям «время», «количество», «речь».

Известно, что представление абстрактного, не вещественного через вещественное, чувственно воспринимаемое является общим свойством человеческой когниции. Однако выбор конкретных форм такого представления от-

нюдь не универсален. Его результаты способны репрезентировать вариативность восприятия мира, обусловленную факторами социального, культурного, индивидуально-психического характера.

Из выбранных для анализа понятийных сфер особую позицию занимает **время**, поскольку оно, наряду с пространством, формирует пространственно-временной каркас картины мира человека. Время, описываемое в статье, выступает в своей дискурсивной ипостаси, то есть как «время жизни», или «переживаемое время». Противопоставляя «время жизни» другим типам времени, исследователи отмечают, что понятия, в которых описывается время жизни, обращены к человеку и являют собой некую философию времени. В основе такой философии лежит мысль о постижении этого времени не по каким-либо физическим параметрам, а по событиям, его заполняющим. Время, заполненное событиями, получает **пространственное** осмысление, потому что, как пишет Е.С. Яковлева, «именно события «уплотняют» время, делают его **областью бытия, вместилищем жизни**» [5. С. 85–96].

Истоки пространственного понимания времени восходят к архаическому сознанию человека, по представлениям которого время и пространство существуют в нерасчленённом единстве (В.Н. Топоров, А.Я. Гуревич, О.М. Фрейдберг, В.Б. Касевич и др.). Такой «пространственно-временной синкретизм» (М.М. Бахтин) получает отражение в метафорических формах представления времени, которые мы наблюдаем в исследуемом материале. В основе метафорических моделей времени, отражённых в дискурсивных практиках языковой личности, лежат различные исходные образы, но наиболее от-refлексированным и органично вписанным во все остальные выступает образ пространства. Так, приоритетную позицию по заполнению занимает модель **«время как человек, перемещающийся в пространстве»**, при этом во многих случаях существенной для перемещения является семантика переходимого рубежа. Персонифицированное, а следовательно, обретающее вещественную форму время совершает движение в пространстве жизни, границы, рубежи которого в каждом случае маркируются конкретными жизненными ситуациями: *Ну, пока суд да дело, час, больше пройдёт; Пришло время садить там, може быть, полмесяца уже прошло; Таня и сама ждётся, рожать охота. Время-то вышло; Февраль доходит. Сёдня двадцать четвёртое; Я говорю: «Ну чё, года подошли, худой пора быть»; Всё охота полежать. Года ушли, да роблено было; Старость подкралась.*

Характерно, что в исследуемом материале время как субъект движения в пространстве уподобляется живому существу, и прежде всего человеку. Устойчивая для русской языковой картины мира модель представления времени в образе водного потока (*время течёт, дни проплывают* и под.) [6] не отражена в текстах информанта. Таким образом, следует констатировать, что время для языковой личности антропоморфно, как, собственно, и всё то, что заполняет жизненное пространство.

В дискурсивных практиках языковой личности представлены две позиции времени: субъектная и объектная. Первая – субъектная – проецирует свойство неконтролируемости времени, его неподвластности человеку. Во второй – объектной – позиции время мыслится как ограниченное фиксированное пространство, действия и движение в котором совершает сам человек. Он может *войти* в

это пространство, обретая в нём определённые качественные характеристики, и *выйти* из него, переходя вследствие этого в другое состояние. Движение человека во времени, как показывают наблюдения, актуально для образного представления биологического времени, фиксирующего фазы существования человека от рождения до смерти: *Она в года вошла – ну, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет, созрела. Поумнела; «Из годов вышла» – на пенсию пошла, уже спиванный человек. С военного учёта снятый – говорят всё: «из годов вышел»; Она давно на пенсии, из годов-то вышла давно.*

Ещё одной разновидностью когнитивной интерпретации времени является приписывание ему предметного, вещественного значения. Время-предмет можно *находить*, можно *отбросить*, *откинуть*: можно также *захватить* пространство времени, наполненное какими-либо событиями *А чё же Людмила Геворговна-то, не находит время приехать?; Ну, девятый десяток. Лет двадцать, тридцать отбросила бы; Так бы откинула лет десять назад. Отбросила бы; В марьте уехал... Ну да, марьт там захватил, апрель полностью, двадцать четвёртого мая приехали здесь.*

К времени-предмету применимо пространственное измерение, при котором оно приобретает длину, глубину, объём, край, середину: *Он помер-то осенью, коротки дни-то были; Сяяс её сняли с больших-то длинных рейсов, ездит поблизости; Да корыстный ли день-то?; От осенью, глубокой осенью коня тятя запряжёт: «По калину завтре надо»; Ну и узнал, что она [нетель] стельна, глубоко стельна; Наверно, с неделю, больше уж в избушку перешли они. И всё-то переходят. Долга у их песня будет; Ну, он на войне был. От края до края; Докэдова это всё будет надбавка? Докэдова, Катя, это будет-то? [Рост цен]; У тебя чё, отпуск счас? Докэдова?*

Пространственные параметры придают времени свойство быть воспринимаемым зрением, но ему могут также приписываться и другие характеристики материальных объектов, например: вкусовые или тактильные. Они позволяют попробовать время на вкус (*Я тебя ни в каку минуточку горьку не бросаю. Ты же [в]от такой остался [жест: "маленький"], ты же на моих руках вырос...*) или сделать его осязаемым (*Я не захватила это время*). Время само может характеризоваться способностью или неспособностью слышать (*Глуха ночь – это тиха да тёмна дак... Говорят «глуха ночь». «Только глуха ночь загонит в избу [молодёжь]»*).

Таким образом, время в дискурсивных практиках языковой личности осмысливается как материальная и чувственно воспринимаемая форма бытия, неразрывно связанная с человеком и интерпретируемая посредством пространственных категорий, активизирующих прежде всего зрительные, но также и слуховые, вкусовые, тактильные анализаторы.

Как и время, абстрактное понятие **количества** получает в дискурсе языковой личности вещественное воплощение и представляется через сравнение с конкретными физическими объектами, имеющими размер, форму, объём, в некоторых случаях протяжённость.

При метафорическом обозначении количества чего-либо происходит абстрагирование от конкретных смыслов исходных слов, при этом в результативном значении фокусируются лишь смыслы, которые с опорой на семантику формы, размера, объёма организуют обобщённое обозначение одного из

крайних полюсов шкалы «много / мало». Однако аспектация лишь количественных признаков не отменяет образного статуса единицы, сообщаящего ей экспрессивное звучание.

В исследуемом материале значение малого количества передаётся при помощи таких единиц, как *бисериночка, крошка, крошечка, капля, капелька, капля в море, ниточка, горошка, клочок*. Значение большого количества – через единицы *кусок, гора, куча, море, хоть возом вези: Он раненый был в ногу. <...> А там, гыт, бисериночку* *каку-нибудь вынут, и заживёт. Разрежут и вынут; Дак я хоть бы крошку* *уснула, так я расстроилась; Назавтра пришла – хоть бы крошку* *виду подала, что упала да убилась ли чё ли. О-ой, даже и ни капельки; Нисколько не сидит со мной [ребёнок], ни капли; Я им всем по сто рублей дала. Им как капля в море, а для меня всё равно много; Сергею куртку купили – четыре тысячи, это ешо весной. Теперь купили они ему там брюки... жинсы. Тыщу сто... тыщу триста. Вот таки куски у их улётывают всё; Это искололи да склади. Гора* *прям накладена [дров]; Приветов, приветов – цела куча; Сколько, Катя, крови было! Море, море!; Чтob море* *молока было, кормилица дала – «море под кормилицей» [желают]; Работы... счас только говорила – **хоть возом вези, работы.***

В количественных метафорах степень абстрагирования от конкретной семантики исходных слов до обобщённого «много / мало» слабо дифференцирована. Как правило, они тяготеют к универсальности: одни и те же единицы используются в количественной оценке как вещественных, так и ментальных объектов. Исключение составляют лишь некоторые, например *море, слезинка*, «специализирующиеся» на измерении количества жидкости (*море крови, слезинка вина*). Как показывает материал, список образных количественных имён не очень велик и можно говорить о стереотипном характере образов, но все они служат способом овеществления абстрактной категории количества.

Подавляющее большинство единиц, составляющих поле «речь», обладает метафорическим значением. При этом едва ли не все речевые действия человека уподобляются физическим действиям, атрибутами которых выступают вещественные объекты. Можно сказать, что образное представление речевой сферы базируется на переосмыслении всех видов перцепции. Так, в основе обозначения речевой агрессии лежат преимущественно тактильные ощущения объекта речевого воздействия: *уколоть, подкалывать, подкусывать, подтыкать, подъедать, резаться, прицепиться, грызть* и др.: *Пошто-то любила **уколоть** как-то вроде, ли чё ли она; «А он-то чё? Получше его да худых берут [замуж]». А я говорю: «Ну и он неплохой, что он, плохой разе, тоже неплохой. У него рост не какой-нибудь» – «Ну, здоровый, здоровый! Хороший, хороший». **Подкалывают** [вздорная соседка]; Вот вишь кака: так сидит **подкусывает, подкусывает**: «Чё и не было, таперь всё говорят, чё и не было!»; Да я нонче Аксинью подтыкала, ты догадалась, нет ли?; **Старшато? Она болеет, а так она хороша, выдержана, а эта прям **подъедат!** **Подъедат** её [сестра]. Она прям с кажным ругатся. Вот она **прицепится** к чему попало...; Как мало [денег] получит – Кольку **грызут, грызут, грызут...** а счас получил девять тысяч за больничный – молчали.***

В основе различных оценок речи также может лежать переосмысление тактильных характеристик: *«башка» – это грубо?» Мне кажется, **грубо**. Ну голова*

дак голова, а то «башка»; «Даша» дак кажется ласково, а как «Дарья», так кажется **грубовато**; Вы выключили там [магнитофон]? А то я чё попало **бурблю** (исходное значение *буробить* – делать неровным, негладким).

Особенности звучания человека, уподобляемого звучанию животного, определяют характеристики таких речевых действий, как *реветь*, *рывать*, *лаять*, *огрызаться*, *куковать*, *скалиться*, *крякать*. Они построены на звуковых ассоциациях, при этом ярко демонстрируют общую закономерность восприятия мира традиционным сознанием: «всё во всём», т.е. проецирование себя на мир и черт окружающего мира на себя. У Веры Прокофьевны поют и люди, и насекомые, и птицы, кричат, орут, режут и животные, и люди: **Мухи поют, пчелы поют**, и никого. *Гудела, гудела муха; Вон ходит бык бузует. Ну кричит ли как ли. Так и говорят «бузует»; А сёдни кыска в избу попала и давай Ваську [кота] тут лупить. Он давай вижжеть, орать; А потом я, после-то к им прихожу, он опять чё-то на меня как заорёт, это после сена-то. Я говорю: «Ты чё повадилса на меня **реветь** таку буду?» – говорю.*

Типичной для языковой личности является также метафорическая модель «слова как предмет». В ней слова, т.е. материализованный в звуках результат речевого действия, выступают в виде предмета, который можно перемещать в пространстве, передавать, отдавать, приносить и т.п. Например: *А это, к чему я разговор-то завела. Ну и повезли его в больницу; Она зайдёт: ой, умирает. Только разговор стоит повернуть – ой! И пойдёт плясать. Вот забавна; Чё-то я хотела почему-то **вывод-то вывести**, и забыла [не закончив рассказ]; Ой, дак она речей... так прям ошиэтинилса на меня, **речей не приняла** даже! что делать... [аборт]; А у него губа, ухо ушиб ему, и глаз, гыт, синий. Ой, беда прямо. От таки новости принесла; Кака, гыт, она была скрыта, и никогда ничё не поделится, не расскажет, ничё; Руки-то каки страшнючи, как грабли. Жалко мне. [Руки?] Нет, что вы не ночуете. Это уж я **перебросила**; Да, вот я **разговор-то завела, а перекинула**; «А ты, баба Вера, долготыка. Я тебе про квасок сказала, а ты уже бабе Моте **передала**».*

Словами можно *сыпать* (говорить без умолку), их можно *собирать* (говорить что-то нелепое), *распустить* (рассказать многим), можно *лепить* (говорить в глаза): *Придёт суды – ну прямо не даёт ни слова сказать, ничё прямо. И всё **сыпет и сыпет**, всё своё, всё своё; «Поеду в город, и скажу, чтобы мне руку отрубили» <...> Я говорю: «Чё попало **собираешь**»; А кто это **распустил славу-то эту?**; Варвара кака-то была. Да в глаза всё, гыт, говорила: чё надо, она в глаза скажет. Я говорю: «Я тоже как баушка Варвара! Я сразу **леплю!**».*

Слово-предмет может и само совершать движение, например *выскакивать* (срываться с языка): *Такой матерушиый – говорят. «Ой, грязнушиый такой!» У меня и счас **выскакиват**. Однако персонифицированные действия слов менее характерны для речевых реализаций.*

Слова могут быть представлены в виде некоего изображения на бумаге: *Может быть, и **рисуют** там что... всё, гыт, шибко много уташиыли; А он гыт: «Ой, ну надо же! Ты кака-то маленька стала, гыт. Согнулась вроде, гыт, да и вобиз, гыт, не похожа. Не узнашь даже тебя». Я говорю: «Ну уж ты, – говорю, – нарисовал!»*

Наконец, оценка речи также может быть сопряжена с указанием на форму, объём, протяжённость, качество поверхности, вкус слов-предметов. Например: *Коля, мы тебя ждём, ну на минутку, сказать круленько словечко тебе; Тихо молчанье – короткий ответ* и под.

Итак, можно подвести итог.

Наиболее типичной закономерностью при интерпретации языковой личностью невещественных объектов является их образное представление через овеществление, и в частности опредмечивание, в результате которого им приписываются свойства быть воспринимаемыми органами чувств человека.

В метафорической конкретизации абстрактных категорий оказываются задействованными все виды сенсорного восприятия: невещественные объекты можно увидеть, услышать, пощупать, ощутив форму, размер, объём, характер поверхности, можно попробовать на вкус.

Наиболее востребованным способом овеществления абстрактных сущностей выступает их зрительное представление, что не удивительно, так как самая большая доля информации о мире поступает человеку посредством зрения.

В зрительном восприятии особо акцентированным оказывается пространственный параметр, который, по нашим наблюдениям, доминирует не только в сфере абстрактного, а является наиболее универсальным способом образного представления любых объектов и действий.

Активное использование первичных сенсорных характеристик в образном отражении мира вполне закономерно для носителя традиционной культуры: языковая личность в создании того или иного образа не прибегает к сложным ассоциативным ходам, она обращается к первичному перцептивному опыту, опираясь на привычное, хорошо знакомое, часто используемое в повседневной жизни.

В описанных способах вербализации представлений о невещественных объектах получает отражение коллективный опыт крестьянского социума, усвоенный и присвоенный исследуемой языковой личностью.

Литература

1. *Полный словарь языковой личности* / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 1: А–З. С. 22–24.
2. *Полный словарь языковой личности* / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Т. 4. С–Я. С. 358–360.
3. *Кузнецова С.С.* Эстетическая оценка в идиолексиконе сибирского старожила // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. ст. 10-й Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Ч. 1. Томск, 2010. С. 191–196.
4. *Кузнецова С.С.* Образные звукообозначения в диалектном идиолексиконе (когнитивный аспект) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 12. Томск, 2011. Т. 1: Лингвистика. С. 168–170.
5. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
6. *Катунин Д.А., Антонова М.К.* Метафорическое представление времени как воды / жидкости в русской языковой картине мира // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 1 (9). С. 7–2.